

И скандинавская линия

С Ъ О Н СК У Г Г А - Б А Л Ь Д У Р

«Волшебный роман».

БЬОРК

«Почти идеальный
современный миф».

WALL STREET JOURNAL

«Описывает мир ярко,
точно, в осязаемых цветах
и деталях. Смешно
и трогательно».

АНТОНИЯ БАЙЕТТ.
THE TIMES

«Мы должны ценить,
что нам повезло жить
в эпоху Сьона».

TIMES LITERARY
SUPPLEMENT

«Классика современной
исландской литературы,
роман огромного
размера, собранный
из горсти слов, — исто-
рия о магии мира и снега,
перед которой бессильно
самое злое зло».

АНАСТАСИЯ ЗАВОЗОВА.
ПЕРЕВОДЧИК.
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ОБОЗРЕВАТЕЛЬ.
ЖУРНАЛ ESQUIRE

Скандинавская линия «НордБук»

СЪОН

Скугга-Бальдур

Издательский дом «Городец»

2005

УДК 821.113.3-31
ББК 84(4Исл)-44

Сьон

Скугга-Бальдур / Сьон — Издательский дом «Городец»,
2005 — (Скандинавская линия «НордБук»)

ISBN 978-5-907483-71-2

Описанные в романе события происходят в 1883 году в исландской глубинке. В сюжете неожиданным образом переплетаются судьбы трех героев: Фридрика, когда-то учившегося за границей в Дании, Аббы – девушки с синдромом Дауна, которую нашли на судне, потерпевшем крушение у берегов Исландии, и священника Бальдура Скуггасона – большого любителя лисьей охоты. Несмотря на легкость повествования и некоторый налет сказочности, книга затрагивает проблемы человечности сегодняшнего общества. Сьон (р. 1962) – исландский поэт, прозаик, драматург, сценарист, переводчик. Лауреат Литературной премии Северного совета (2005) за книгу «Скугга-Бальдур», Исландской литературной премии (2013), кавалер ордена Искусств и изящной словесности Франции (2021). Известен как автор текстов к песням Бьорк, был номинирован на премию «Оскар» (2001) как соавтор ее песни к фильму «Танцующая в темноте». «Скугга-Бальдур» (2003) – пятый роман Сьона, переведен на 35 языков. Русский перевод был номинирован на литературную премию «Ясная Поляна» (2019).

УДК 821.113.3-31

ББК 84(4Исл)-44

ISBN 978-5-907483-71-2

© Сьон, 2005

© Издательский дом «Городец», 2005

Содержание

Предисловие к русскому изданию	7
I	9
II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сьон

Скугга-Бальдур

*Эта история посвящается памяти моей бабушки Сигфридур
Сигурйоунсдоттир*

© Sjon, 2005

© Н. Демидова, перевод на русский язык, 2022

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление, 2022

Предисловие к русскому изданию

Сьон родился в Исландии в 1962 году. Пожалуй, нет литературного жанра, в котором бы он не работал. Его перу принадлежат книги для детей, киносценарии, пьесы, оперные либретто, тексты к песням, но прежде всего он, конечно же, поэт и прозаик. Первая книга Сьона вышла в свет в 1978 году, а сейчас на его счету уже 12 сборников стихов и 10 романов. Сегодня он является одним из самых переводимых авторов Исландии. Сьон (Sjón) – псевдоним, он составлен из частей личного имени писателя – Sigurjón. Слово «sjón» имеет много значений, с исландского языка его можно перевести как видение, зрение, видимость, внешний вид.

Становление Сьона как писателя происходило в период, когда молодых исландских художников и авторов объединял сюрреализм, ставший главной движущей силой их творчества. Из этой среды вышли многие известные ныне деятели искусства: писатели, поэты, художники, музыканты. В их числе хорошо известная в России певица Бьорк, с которой Сьон успешно сотрудничает по сей день. Многие из ее песен написаны на тексты Сьона. Одна из них – к фильму «Танцующая в темноте» – в 2001 году была номинирована на премию «Оскар». Традиции сюрреализма сильнее всего проявляются в поэзии Сьона и его ранней прозе.

Все произведения Сьона отличаются филигранным стилем, его проза часто похожа на поэзию, аллитерирована, легко читается. Стоит отметить и его виртуозную краткость. Он обладает умением вложить в короткую фразу огромный смысл, парой штрихов нарисовать исчерпывающий портрет, одним замечанием охарактеризовать целый народ или эпоху. И получается у него это легко и непринужденно, как бы походя. У Сьона нет длинных тяжеловесных многотомников, все его книги короткие, но все обладают свойством быть гораздо объемнее по содержанию, чем по количеству страниц.

В текстах Сьона есть где разгуляться читательскому интеллекту. Писатель любит встраивать в свои тексты игру слов, аллюзии, заимствовать литературные сюжеты и придавать им новые формы. Несмотря на то, что в его книгах часто присутствует магический элемент, они никогда не теряют связь с реальностью.

«Скугга-Бальдур» – первая книга Сьона, переведенная на русский язык. В Исландии ее издали в 2003 году, а в 2005 году она была отмечена премией Северного совета. В России «Скугга-Бальдур» был впервые опубликован в журнале «Иностранная литература» в 2018 году, и уже в начале 2019 года перевод номинировался на литературную премию «Ясная Поляна».

Описанные в «Скугга-Бальдуре» события происходят в середине девятнадцатого века, и слог книги обладает чертами романтизма, царившего в то время в исландской литературе. Текст мелодичен, наполнен мягкой ритмичной энергией, читается будто сам по себе. Несмотря на датирование событий девятнадцатым веком, легкость повествования и даже некоторый налет сказочности, книга очень серьезная и актуальная, она затрагивает проблемы человечности сегодняшнего общества. Привлекает и то, что до последней страницы неясно, кто же в ней настоящий герой, а кто – злодей.

Свою излюбленную тему превращений в «Скугга-Бальдуре» Сьон выразил через отсылки к «Метаморфозам» Овидия и исландским народным поверьям. В этом смысле у исландских читателей есть преимущество: им хорошо знаком скугга-бальдур – существо из исландского фольклора, потомство кота и лисицы. Однако преимущество это скорее иллюзорное, ведь никогда не знаешь, чем обернется известный сюжет, пропущенный через призму сьоновского воображения.

На сегодняшний день «Скугга-Бальдур» издан в 35 странах, в том числе в столь далеких от Исландии, как Китай, Турция, Бразилия или Израиль. И невольно задаешься вопросом, чем

же эта книга заслужила внимание таких отличных друг от друга народов из разных уголков мира?

Ведь она совсем крошечная, там вроде бы и читать-то нечего. Но, как часто случается в книгах

Сьона, не все так просто, как кажется. Поистине удивительно, как много смысла ему удалось уместить в сотню коротеньких, красиво звучащих страниц. Эта книжка как волшебная шкатулка – маленькая, тоненькая, но внутри нее таится огромный мир.

Переводчик Наталья Демидова

I (9–11 января 1883 года)

Удивительно, как полярные бурые лисы порой ходят на камни. Бывает, приляжет зимой такая чертовка у какого валуна, и невозможно отличить, где там зверь, а где камень. Да уж, эти куда похитрее, чем белошерстные, что вечно или тень отбрасывают, или желтеют на белом снегу.

И вот затаилась полярная бурая самка, крепко прижавшись к своему камешку и давая поземке припорошить себя с подветренной стороны. Она развернулась к ветру задком, свернулась колечком, сунула нос под бедро и прикрыла глаза так, что между веками едва-едва угадываются зрачки. Таким манером наблюдает она за человеком, что не сдвинулся с места с той самой минуты, как улегся под снежным наносом здесь, высоко в горах Аусхеймар, – уже почти восемнадцать часов назад. Его так замело снегом, что теперь он смахивает на простой обломок старых развалин.

И зверьку нужно постараться не забыть, что человек этот – охотник.

Он начал свою охоту далеко отсюда – от хутора Дальботн. Небо было чистое, а рассвет – самый сумрачный из тех, что случаются зимой. Человек на лыжах пересек заснеженный луг и взял курс на север, вдоль горной гряды Аусар, к скале Литла-Бьярг – там еще не намело сугробов.

Добравшись до подножия, он заметил, что наверху, на гребне, что-то шевелится. Пошарив под одеждой, достал подзорную трубу, разложил ее и приставил к глазу, что видел получше.

Ну да, так и есть – там копошилась одна плутовка.

Лиса, казалось, не догадывалась об опасности. Судя по повадкам, она искала себе съестного и потому действовала неторопливо и вдумчиво – ни-что другое не занимало ее мысли.

Человек присмотрелся к ней повнимательней. Он попытался полностью сосредоточиться на ней, как бы стараясь предугадать, в какую сторону она отправится, закончив свои дела на гребне. Вдруг, ни с того ни с сего, лисица бросилась наутек, и у человека не было ни малейшего понятия, с чего бы? Ее будто в единое мгновение охватил сильнейший страх, хотя о близости человека она догадаться не могла – во всяком случае, обычным путем.

Единственным объяснением могло быть лишь появившееся у нее предчувствие о его намерениях:

Здесь рядом – человек с охотой на уме.

Человек поднялся вверх по склону. Чтобы легче было опять найти лисицу, он старался удержать в голове ее четкий образ: вот несется она во весь дух по снежному насту, словно оперенная стрела...

На гребне он осмотрел оставленные лисой следы. Большим и указательным пальцами измерил между ними расстояние: зверь, похоже, крупный. В приставшей к ладони снежной крошке блестела шерсть. Цвет ни с чем не спутаешь – это была полярная бурая.

На небе к западу – облачные перья.

Похоже, приближается буря.

Лисицы нигде не видно.

Лисий след был четким – насколько хватало глаз.

Человек шел бодрым шагом, ветер дул ему в спину, но теперь не имело значения, почует лисица его запах или нет – она уже знала, что он ее преследует.

Время от времени он останавливался и осматривался, пользуясь прежним методом: изо всех сил сосредоточивался на единственной цели – просчитать, по какому пути она направляется и где он сможет подобраться к ней на выстрел.

Неожиданно ему будто кто-то сказал: «Лисица бежит равниной на север. Вот она резко свернула на восток, в сторону каменистой пустоши – а там есть где спрятаться буршерстой коротконожке».

Может, лисица переосторожничала? Только о том одном и думала, чтобы избежать опасности, а между тем нечаянно допустила его в свои размышления? Забыла следить за тем, чтобы держать его на расстоянии?

Или, может, она нарочно внушила ему эту мысль?

На пустоши было безветренно, мороз холодил щеку. Заметив к северу от себя бурый комочек, человек присел и затаился.

Спустя некоторое время комочек зашевелился, и с камней на лапы поднялась лисица.

Ну да! Она и есть!

Это был редкостный зверь – землисто-черная на вид, густошерстая, с огромным пушистым хвостом и явно чертовски нервная. Частыми резкими прыжками она заскакала с пустоши прочь.

Человек рванулся за ней.

И все произошло именно так, как он предполагал: лиса метила прямо в поднятое ветром снежное облако. Прежде чем пурга проглотила ее, лисица на миг остановилась и оглянулась на человека.

И опять сорвалась с места – только ее и видели.

В воздухе свистело и выло.

Рядом с человеком пронеслась куропатка – ее тащило ветром. За ней проследовал сокол – летел высоко, уверенно и ровно взмахивая крыльями.

Отвернувшись от налетающих порывов, человек плотнее укутал шарфом шею и, чтобы сумка получше прилегла к бедру, трижды обмотал ее лямку вокруг правой руки.

Теперь он был готов к буре.

Он продирался сквозь сплошную пелену.

Сначала у него под ногами были голые камни и идти было сравнительно легко, но вскоре камни сменил снег и двигаться стало намного труднее.

Человеку ничего не оставалось, кроме как довериться прежнему внутреннему подсказчику: «Лисица может по-детски испугаться непогоды. Она зароется в сугроб или втиснется в какую-нибудь расщелину, заберется туда, где потеплее, и будет лежать там, пока буря не стихнет».

Теперь было самое время сократить между ними расстояние.

Человек медленно, пядь за пядью, проталкивался вперед.

Когда ему показалось, что лисица была уже где-то совсем рядом, снег под его ногами вдруг стал гораздо глубже. Теперь он доходил ему до самого паха, а еще через пару шагов человек застрял окончательно.

Он был не в силах двинуться ни вперед, ни назад и совершенно ничего не видел.

Пурга обступила его со всех сторон, сверху, снизу...

День клонился к вечеру, а буря все крепчала. Холод забрался под одежду, хоть та и была добротной. Человек так замерз, что стал дрожать – себе для согрева.

Рассудив, что будет лучше, если его всего целиком занесет снегом, он стал осторожно покачиваться из стороны в сторону, тем самым помогая пурге выстраивать вокруг него непродуваемую снежную скорлупу.

Человек был среднего роста, кряжист и толстоват в груди. Лицо с крупными чертами, лоб не особо высокий, однако широкий – он-то и придавал характер всей его внешности. Из-под тяжелых сросшихся бровей выглядывали глубоко посаженные маленькие глаза цвета стали, над верхней губой торчал большой мясистый нос. Какими были его щеки и подбородок, угадать было трудно из-за густо покрывавшей их темно-рыжей с проседью бороды, спускавшейся до

самой его груди. Волосы были землистого цвета, их тоже уже кое-где посеребрила седина. На левой ноздре виднелась крупная выпуклая родинка.

Да, таким был застрявший в сугробе человек.

Ночь была холодная и особенно долгая.

Но вот наконец человек разломал защищавшую его снежную корку. И возблагодарил Ветер и матушку Порошу за то укрытие, которое они соорудили для него на этом живописнейшем клочке земли: с того места, где он сидел, увязнув в сугробе, взору открывались безбрежные, искрящиеся белым инеем пустыни.

Человек принялся щипать себя и тискать, втирая в мышцы рук тепло, а покончив с тем, надел рукавицы и, оперевшись руками о наст, поднялся со своего снежного трона.

Что и говорить – он был счастливчик!

Закинув на плечо ружье и сумку, человек, не останавливаясь, прошагал до скалы Лоува-клёп, сохранившейся еще со времен ледниковой эры. Плоская, как ладонь, скальная вершина залегала высоко в горах, и на ней никогда не удерживался снег.

Поднявшись туда, человек снял с себя поклажу, варежки, кожаные башмаки, вязаные носки и разложил все это рядом для просушки. А затем (черт его подери!) он снял с себя все до последней нитки и сидел там в чем мать родила – в одной только коже!

Вот он – сын Земли, дочери Солнцевой.

В животе заурчало, и человек вспомнил, что был голоден. Перед самым выходом на охоту он под завязку наелся вареной рыбы, но с тех пор у него во рту не побывало и крошки, а ведь прошло уже не меньше двадцати часов.

Время от времени он, правда, подкреплялся льдинками, однако пища эта была однообразной и неосновательной.

И он открыл свою сумку: в ладонь толщиной бараньи бочки, сушеная тресковая голова, ржаные лепешки, добротнo смазанные кислющим, как уксус, овечьим маслом и увенчанные шматками бараньего рулета, вымоченная в молочной сыворотке кровяная колбаса, вяленая рыба, густая овсяная каша со скиром и кусочек коричневого сахара.

Да, все это умещалось в его охотничьей сумке.

Солнце согревает раздетое мужское тело, а вокруг, робко потрескивая, тает снег – певчая птица этого дня.

В полдень здесь еще достаточно светло, и воздух – весь в проблесках ясного неба. Человеку припомнились бесчисленные чудесные мгновения, проведенные им в горах с малолетства: ничто не могло сравниться с красотой тех дней, кроме разве что новой люстры в Дальботненской церкви...

Стоп! Что это?

Человек бросился наземь.

Что там за тень такая? Камень?

Человек схватил подзорную трубу, но ничего не увидел – запотело стекло. Он протер его рукавом.

Неужели не померещилось? Ну вот – исчезло... Нет, опять появилось! Лисья голова!

Вдалеке едва темнела макушка! Это была та самая – бурая и, судя по всему, сидела там настороже уже давненько.

Человек сложил подзорную трубу.

Лисица испустила леденящий душу вопль.

Земля в тех местах ровная, с уклоном на восток, все кочки – низкие, ложбинки – мелкие. Приблизиться к лисице незамеченным у человека не было ни малейшей возможности, и потому он так и лежал, не шевелясь, на том самом месте, куда плюхнулся, заметив ее. А лисица, вспрыгнув на камень, завывала, и каждый раз, испуская вопль, вытягивала кверху мордочку.

Таким манером она хотела подстрекнуть человека к движению – она потеряла его из виду в тот момент, когда он рухнул на землю.

Человек лежал, распластавшись на земле. С ружьем перед собой, он умудрился осторожно развернуться лицом на север, но теперь боялся шевельнуться, потому что между ним и лисицей не было ни единой неровности, ничего, что могло бы его от нее скрыть. К тому же ружье было не заряжено, а затолкать в него заряд так, чтобы самка этого не заметила, не представлялось возможным.

Соображать надо было быстро, если, конечно, он не хотел упустить ее, как вчера, а об этом и речи быть не могло.

И что же тут можно было предпринять?

Лисица завертелась на камне, готовясь исчезнуть.

Человек, перекатившись на спину, задрыгал в воздухе руками и ногами. Затем, снова перекатившись, но уже на четвереньки, поднял правую ногу, будто пес, решивший помочиться на кочку.

И громко заблеял.

Таким шутловством человеку удалось отсрочить лисицыно исчезновение. Он отполз за кочку и затаился, обдумывая свое положение, а она осталась сидеть на камне, дожидаясь новых чудес.

Человек в спешке зарядил ружье. Забил в него полмерки порошу, что было нелишним, если он собирался подстрелить лисицу с одного выстрела. Пошарив в кармане, нащупал ободранный псалтырь, вырвал страницу, помял ее между пальцев и запихнул в ствол: теперь не засвистит, даже если стрелять против плотного ветра.

Проделав все это с невероятным проворством, он послунывил конец дула и прилепил там крошку лишайника. Та тут же примерзла к металлу. Человек поправил «мушку» и попробовал прицелиться – лишайник он смог бы различить в любой темноте.

Человек рывком вскочил на ноги – с ружьем навскидку. Перевалив вес тела на левую ногу, он весь подался вперед и сосредоточил взгляд на камне... Нет, лисицы нигде не было видно.

Он долго ждал, прежде чем опустить оружие. Ну ничего, на этот раз она от него не уйдет! Снег ровно присыпал землю до самого подножия ледника – ни одной проплешины, и лисица, проживая свою жизнь, тут же, на снежном листе равнины, писала о ней повесть.

С ружьем наперевес человек двинулся в погоню.

Весь долгий день бежала лисица по горам и долам, а человек – неотступно за ней. Она была его верительной грамотой, предписывающей исполнить данное ему самой жизнью поручение.

Выбираясь из-под перегородившего путь валуна, человек чуть было не потерял лисицу из виду. Глаз едва успел уловить, как она, трижды обернувшись вокруг самой себя, прилегла у камня, приникла к нему и накрыла мордочку хвостом.

Человек сделал то же самое.

У горизонта растворился день.

В небесных чертогах стемнело настолько, что сестрички – северные сияния смогли приступить к своему оживленному вуалевому танцу. Завораживая игрой красок, порхали они по огромной небесной сцене – легкие, быстрые, в сверкающих трепещущих платьях, и от их шаловливых поскоков туда и сюда разлетались жемчужные ожерелья.

Такие представления ярче всего сразу после захода солнца.

Потом упал занавес и к власти пришла ночь.

На человека вдруг навалилась сонливость – с неведомой ему ранее одолевающей силой. В голове пронеслось: ну, как есть, помираю! Он как-то вмиг ослаб, голова раскалывалась от

боли, и стало трудно дышать. В ушах стоял непрерывный писк, но сквозь него человек все же различал какой-то шум, какой-то стук – это было его сердце.

И что все это могло означать?

Тут лисица испустила три протяжных тревожных зова, так неожиданно – как гром с ясного неба. Звук донесся к человеку с ветром, с восточной стороны. Он нервно дернулся. Скопив взгляд налево, различил еще одну лису. Она показалась ему черным, как смоль, дьяволом.

Затем и эта исчезла, и воцарилась гробовая тишина. Даже сердца не было слышно.

Может, он и вправду умер?

Так прошло немало времени, пока он снова не заметил лису все на том же месте – у камня. Правда, выглядела она теперь не такой крупной, и все ее поведение говорило о ее исключительной осторожности, внимательности и сообразительности. Другими словами, лисица вела себя не так, как раньше, и от нее не доносилось ни звука. Помаячив перед человеком, она вдруг тоже пропала.

Человек боролся с упорно пробивавшейся на лицо зевотой, как вдруг прямо перед собой заметил какое-то движение. На ночном фоне его глазам предстали очертания лисы: она вытанцовывала на задних лапах, извиваясь, словно угорь в воде, и, казалось, парила над землей.

А где-то в ночи, скрытая темнотой, тьякала еще одна, уже четвертая по счету: «Агга-гаг!»

Человек попытался взять себя в руки. В этих краях полярные бурые лисы были такой редкостью, что о каждом их появлении по всей округе ходила молва. Значит, та чернущая, та осторожная, та, что отплясывала, и та, что тьякала в ночи, – все это была одна и та же лисица. Иначе и быть не могло!

– Это одна и та же лиса, одна и та же лиса, это одна и та же лиса, одна и та же лиса, это одна и та же лиса, одна и та же лиса...

Как заведенный, он повторял это снова и снова, словно рвущийся из кошмарного сна распираемый беззвучным воплем человек. Наконец ему полегчало, из глаз перестали литься слезы, и он увидел, что самка была все там же, на прежнем месте, и что сам он тоже не сдвинулся с места.

Пошел снег.

И все падал и падал...

Удивительно, как полярные бурые лисы порой походят на камни. Бывает, приляжет зимой такая чертовка у какого валуна, и невозможно отличить, где там зверь, а где камень. Да уж, эти куда похитрее, чем белошерстные, что вечно или тень отбрасывают, или желтеют на белом снегу.

И вот затаилась полярная бурая самка, крепко прижавшись к своему камешку и давая поземке припорошить себя с подветренной стороны. Она развернулась к ветру задком, свернулась колечком, сунула нос под бедро и прикрыла глаза так, что между веками едва-едва угадываются зрачки. Таким манером наблюдает она за человеком, что не сдвинулся с места с той самой минуты, как улегся под снежным наносом здесь, высоко в горах Аусхеймар, – уже почти восемнадцать часов назад. Его так замело снегом, что теперь он смахивает на простой обломок старых развалин. И зверьку нужно постараться не забыть, что человек этот – охотник.

Лиса закрывает свои серые глаза, а когда она их снова открывает – человека уже нет.

Лиса поднимает голову.

Вот тут-то сьера¹ Бальдур Скуггасон и нажимает на курок.

¹ Титул священника в Исландии. (Здесь и далее примечания переводчика.)

II (8–9 января 1883 года)

Мир приоткрыл глаз – тот, что позрячей. Клекчет куропатка, под ледяной глазурью журчат ручейки, грезя о весне, когда, разбухнув, превратятся они в бурные потоки, сокрушающие на своем пути все построенное человеком. Над разбросанными по горному склону снежными бугорками кудрявятся дымки – это людские жилища. Все здесь одинаково голубое, за исключением искрящихся белизной горных вершин.

В Долине зима...

– Эй, я пришел забрать тут... э-э-э... жменский суп... нет, слышь, это... давай мне... жемский прут... нее... э-эт-то... жевский круп...

На подворье прилепившегося на горном склоне хуторка Брехка стоит оседланная лошадь, а эту околесицу бормочет себе под нос ее наездник – крупный мужичина лет сорока на вид. Его рыжую бороду, нестриженно напозающую на рот и заледенелым водопадом свисающую на грудь, уже тронула седина, но, несмотря на это, на нем накутано одежек, как на ребенке, снаряженном провести целый день в сугробе. Штаны натянуты так высоко, что врезаются в пах, кожух слишком велик или слишком мал – с какой стороны посмотреть, тесемки вязаной шапки так туго затянуты под подбородком, что ясно: не сам он их завязывал, а на каждую руку надето по три рукавицы, отчего он с трудом удерживает поводья своей мохнатой лошаденки – кобылки Розы.

Та усердно грызет удила, это ее ноги донесли их обоих сюда. Если выглянуть с хуторского подворья, можно увидеть следы копыт, что тянутся сюда от церковного хутора Дальботн, от самых дверей дома священника: сначала вниз по лугу, затем по берегу речки и через болотистую низину, а дальше – вверх по горному склону к тому месту, где и стоит она сейчас, ожидая избавления от своей ноши.

И всадник наконец сползает с седла. Теперь видно, как он сложен: коротконогий, широкоплечий, с большим выдающимся вперед животом и с неестественно длинной шеей. Левая рука заметно короче правой. Он притопывает ногами, охлопывает себя руками, трясет головой и фыркает, как лошадь. Кобылка Роза поводит ушами.

– Женский прут? Может, так? – и мужичина короткой рукой смахивает с наружной двери снег.

Он стучится здоровой рукой и чувствует, как к кулаку приливает кровь. На улице холодно. Может, его впустят в дом?

В заиндевелом окошке мелькает голова, и чуть погодя уже слышится, как отворяют внутреннюю дверь, а потом с силой толкают наружную. Та поддается, отпихивая от себя нападавший за ночь снег, и озябший пришелец, отпрянув назад, начинает валиться на спину, однако упасть ему мешает сугроб.

Оправившись от неудавшегося падения, он видит, что в дверях стоит именно тот, к кому он ехал, – Фридрих Б. Фридйоунссон или просто Фридрих-травник, ученый человек, ботаник и хозяин хутора, в котором живет невеста приехавшего – Абба. А самого приехавшего зовут Хаульфдаун Атласон, и он – «дурачок съеры Бальдура Скуггасона».

Дурачок разевает рот, но не успевает произнести заготовленную фразу, так как Фридрих-травник приглашает его в дом, а на это у дурака нет другого ответа, как только сделать, что ему сказано.

Они заходят в кухню.

– Раздевайся.

Фридрик приседает на корточки и, открыв дверцу отделанной кафелем печки, подбрасывает в нее дров. Те весело занимают.

Здесь тепло и уютно. Дурачок, прикусив зубами край рукавиц, стаскивает их с трясущихся рук и принимается развязывать узел на тесемках шапки. Получается это у него плохо, и тогда из тесемочных пут его выволакивает сам хозяин. А когда хозяин же стягивает с гостя и кожу, в нос ему ударяет таким горьким зловонием, что он отшатывается, напрягая ноздри:

– Кофе...

Про слуг священника из Дальботна говорили, что у них через поры вместо пота выделяется кофе. Скупердяй съера Бальдур людей своих не кормил, а вместо еды накачивал их с утра до вечера черным как сажа, упаренным до густоты кофейным пойлом.

Фридрик обхватывает ручки Хаулфдауна, они трясутся не от холода, а от расстроенных нервов – от кофейного перепития. Отпустив руки гостя, Фридрик предлагает ему сесть. Затем, сняв с крючка чайник, набивает его подтаявшим снегом и ставит на плиту. Указав на чайник, строго наказывает дурачку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.